

можемо й не погодитись...»[3,150-151]. Ця думка тою чи іншою мірою характеризує погляди переважної більшості гуртківців.

Як відомо, першого березня 1881 р. на Катерининському каналі у Санкт-Петербурзі народовольці здійснили свій задум страти російського царя - Олександра II було вбито. Згадана кульмінаційна подія в історії революційного терору досить швидко змінила суспільно-політичну ситуацію в імперії, головною прикметою якої стало посилення консервативно-охоронних тенденцій у внутрішній політиці царизму. Це супроводжувалось занедбанням реформ, активізацією репресивних заходів щодо різних груп опозиціонерів і революціонерів. Царевбивство здобуло неоднозначний відгук у молодіжному середовищі. Одна частина молоді, вважаючи терор безперспективним засобом оновлення суспільства, відмовилась від радикальних дій, інша, навпаки, пішла під ідейний прапор «Народної Воли»[2,10].

Підсумовуючи діяльність гуртків в м. Ананьєві та Миколаєві у 1882-84 роках, слід вказати на опозиційний характер їх діяльності. Ця опозиційність проявлялась переважно у читаннях, спрямованих на саморозвиток учнів. Ми можемо констатувати певні контакти гуртківців з «Народною Волею», проте якогось помітного впливу на їх діяльність вона не справила, навпаки - гімназисти стали на позиції засудження терору.

Література

1. Динзе Вл. Очерки по истории среднешкольного движения. - Сп-б.: Издание О. Богдановой. - 1909. - 70с.
2. Світленко С.І. Народовольські гуртки у Катеринославі // Грані. - 2003. - №1(27) січ.-лют. - С. 10-15.
3. Центральний державний історичний архів України, м. Київ. - ф.419, оп.1, спр.1206.
4. ЦДАК України. - ф.385, оп.1, спр. 130.
5. ЦДАК України. - ф.419, оп.1, спр.1204.

Е. Б. Стрилюк (з Чернигов)

ПОЛИТИКА П.А. СТОЛЫПИНА В ОБЛАСТИ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

Политика власти в национальном вопросе - одна из наиболее острых в последние годы, но одновременно и наименее изученных тем, вокруг которых происходят не только многочисленные спекуляции, но и разыгрываются подлинные трагедии. Проводимая П.А. Столыпиным политика в области еврейского вопроса не стала в этом смысле

исключением. Долгое время о ней принято было замалчивать. Это способствовало укреплению в общественном сознании представления о Столыпине как о «первом на Руси погромщике» и «юдофобе». Исследования последних лет опровергли эти представления [1], но лишь не многие из них претендуют на детальный анализ всей политики премьера в области еврейского вопроса, а это, как известно, может быть чревато другой крайностью в оценке.

Данная статья - это попытка ликвидировать некоторые «белые» пятна в изучении «еврейской политики» Столыпина. И, прежде всего, разобраться в том, какие причины побудили премьера обратиться к рассмотрению столь болезненного вопроса того времени.

В целом еврейский вопрос, поиски выхода из кризиса еврейской жизни становились предметом активного обсуждения в общественно - политической жизни Империи ещё в середине XIX века. Именно тогда российская общественность впервые выдвинула лозунги в защиту еврейского равноправия, хотя в целом политика правительства по данному вопросу на протяжении всего столетия оставалась двойственной. В ней сменялись противоположные принципы. То правительство пыталось опереться на кагалы и их администрацию, то старалось привить евреям стиль жизни остальной страны (в духе «насаждения просвещения»). Не было какой - либо общей, объединяющей цели и в законодательстве о евреях.

Начало XX столетия, бесспорно, стало переломным моментом в истории еврейского населения России. Именно в этот период еврейский вопрос приобрёл особую остроту и значение. Он стал частью предвыборной борьбы в избирательной кампании в I Государственную думу. Более того, впервые избранный в истории России парламент обсуждал еврейский вопрос и пути его решения в ходе своей деятельности [2].

Получив пост министра внутренних дел, а в последствии и председателя Совета министров, за решение одного из самых сложных вопросов того времени вынужден был взяться П.А. Столыпин. По свидетельствам современников среди основных причин, побудивших премьера обратиться к рассмотрению еврейского вопроса были: революционность населения, сосредоточенного в черте оседлости, и коррупция в среде чиновничества и администрации, вызванная несовершенством законодательства о евреях [3]. На этих двух причинах чаще всего акцентируют внимание и современные исследователи [4]. Между тем, разобраться в том, что именно побудило П.А. Столыпина пойти на рассмотрение данного вопроса и на определённые уступки еврейству, на наш взгляд невозможно, если не учесть также конкретных исторических условий, при которых он пришёл к власти, и расстановку

общественных и политических сил.

Как известно, назначение П.А. Столыпина на пост премьера произошло 8 июля 1906 г. и совпало с днём роспуска I Думы. Теперь основной заботой правительства было приложить максимум усилий, чтобы избранная II Государственная дума оказалась более умеренной. Вскоре после назначения главою правительства Столыпин говорил членам своего кабинета и сотрудникам по Министерству внутренних дел: «Перед нами до собрания следующей Государственной думы 180 дней. Мы должны их использовать вовсю, дабы предстать перед этой думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать всё от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени» [5, 582].

Вникнуть в атмосферу того времени, понять сложившуюся политическую ситуацию и оценить дальнейшие намерения правительства помогает сохранившаяся перлюстрированная переписка — материал цензурного и надзорного просмотра почтовой корреспонденции. В письме А. Гурьева от 15 июля 1906 г. на имя графа С. Ю. Витте в частности сообщалось: «События в Петербурге вам, конечно известны. Теперь весь вопрос сосредоточен на привлечении в кабинет общественных деятелей. По-видимому, это удастся Столыпину. Тогда предполагается пустить во весь ход бюрократическую машину и изготовить законопроекты по всем главнейшим вопросам. Некоторые законы предполагалось даже осуществить «провизорно» — до утверждения Думой» [6]. Не менее интересные сведения содержатся в выписке из письма с подписью «Солом...» от 16 июля 1906 г. к Ф. Гишштейну в Париж: «Только что узнал, что Столыпин пригласит в министерство бывших депутатов Львова и Стаховича, которые согласились, а они хотя и консерваторы, но честные и порядочные люди. Уже почти известно, что будет дана политическая амнистия..., отменена «черта оседлости» и т.д. Одно факт: «погромов в ближайшие дни больше не будет». Это для Столыпина вопрос особого эффекта» [7].

Данная переписка свидетельствует, что приглашение Столыпиным общественных деятелей в реформируемое после роспуска I Думы министерство было важным шагом на пути к осуществлению задуманных преобразований и созданию благоприятного общественного мнения накануне предстоящих выборов во II Думу. В дальнейшем премьер был склонен, как можно быстрее, дать каждой крупной общественной группе удовлетворение её насущных потребностей и тем склонить на сторону правительства. По-видимому, это и был тот определяющий фактор, побудивший

Столыпина обратиться в числе прочих и к рассмотрению еврейского вопроса. Кроме того, председатель Совета министров прекрасно осознавал, что некоторые уступки еврею помогут успокоить революционное настроение в его среде. Именно с этой целью Столыпин предполагал привлечь к переговорам влиятельных евреев, «выяснив с ними, что необходимо и возможно предоставить теперь же ...» [8, 464]. Сам же ход переговоров председателя Совета министров с представителями общественности показал, как остро стоял еврейский вопрос, и насколько различными были варианты его решения.

Один из кандидатов на вхождение в новое министерство А.Ф. Кони вспоминал, что был крайне неприятно поражён той легковесностью, с которой другие претенденты, в частности А.И. Гучков и П.А. Гейден относились к важнейшим вопросам их будущей деятельности в реформируемом министерстве. «Отделяясь шуточками», опираясь во всём на меры «в порядке верховного управления», они, по мнению А.Ф. Кони, не хотели считаться с интересами и желаниями русского народа. Еврейский вопрос, как и другие важные вопросы, «решался не со ссылкой на то, что это требуется неустранимыми интересами страны, а лично на то, что оно должно быть указано в программе, как тактическое средство борьбы с революцией и её морального обесцениения» [9, 367].

По-разному виделось и само решение еврейского вопроса. А.И. Гучков, например, настаивал на необходимости немедленно раскрыть черту оседлости. А.Ф. Кони был уверен, что данный вопрос должен решаться народным представительством, а не советом министров, «которому должно принадлежать лишь право внести такой законопроект, не принимая на свою совесть ни могущих произойти погромов, ни того, что Дума может решить этот вопрос иначе» [9, 367-368]. Что касается позиции Столыпина, то он критически относился к законодательной способности Государственной думы и был убеждён, что в данном вопросе можно действовать в обход законодательных учреждений [8, 464-465].

Следует отметить, что привлечённые к переговорам общественные деятели Н.Н. Львов, М.А. Стахович, А.И. Гучков действительно доверяли готовности и способности премьера честно вступить на путь обновления государственного строя. П.А. Гейден, Г.Е. Львов и Д.Н. Шипов были уверены, что Столыпин желает привлечь их к участию в кабинете лишь потому, что опасается общественного противодействия своим начинаниям. Они были уверены, что в их участии в кабинете премьер «видит только средство для примирения возбуждённого общественного настроения с правительством» [8, 462-463]. В итоге председатель Совета министров действительно не принял те условия,

на которых ряд представителей общественности были согласны войти в новый кабинет. Способы выполнения важнейших задач того времени понимались различно министром и общественными деятелями.

Реакция общества на происходившие в Петербурге события также не была однозначной. В письме от 23 июля 1906 г. на имя А.Ф. Кони в частности сообщалось: «... Слава Богу, что вы отказались утопить ваше честное имя в грязи и крови «коалиционного» министерства Столыпина.... Да и что могут теперь сделать один или два мирных человека, если они не обличены абсолютной властью – гением Петра и обаянием Гарibaldi. Правительство так низко пало в глазах общества и народа (что только говорят теперь мужики...), что если бы оно составило теперь Министерство из Марков Аврелиев, им никто бы не поверил» [10]. Выписка из письма князя В. Оболенского от того же числа к Его превосходительству Влангали представляет совершенно иной взгляд на сложившуюся политическую ситуацию: «Роспуск Думы был необходимым, в виду того, что Дума превратилась в собрание, взывающее к восстанию и неповиновению. Очень жаль, что Столыпину не удалось переформировать Министерства привлечением общественных деятелей. Эти деятели всё себя к чему-то приберегают и возятся со своими собственными особами. Положение Столыпина очень тяжёлое и помощи ему не видно ни откуда» [10].

Действительно, очень часто при решении важнейших задач того времени, а к их числу относился и еврейский вопрос, премьеру приходилось лавировать, действовать в угоду царящим в обществе настроениям и расстановке политических сил. П.А. Столыпин понимал, что вопрос об отмене ряда ограничений прав евреев давно назрел в общественном мнении. Необходимо было считаться и с тем, что согласно объявленному 17 октября Манифесту, евреи имеют законное основание требовать равноправия. С другой стороны, председатель Совета министров осознавал, что любые попытки смягчить законодательство о евреях вызовут неудовольствие крайне правых. И, естественно, Столыпин не мог не учитывать позицию Николая II по данному вопросу.

В воспоминаниях заместителя П.А. Столыпина по МВД, начальника отдельного корпуса жандармов П.Г. Курлова содержатся сведения о том, что именно Государь Император поручил премьеру, «не возбуждая законодательного вопроса, в административном порядке принять меры к облегчению ограничительных постановлений против еврейства» [11]. Граф В.Н. Коковцов, ближайший сотрудник Столыпина, также отмечал, что последний поднял еврейский вопрос и вынес его в сентябре – октябре 1906 г. на рассмотрение Совета министров с ведома Государя. Коковцов указывал на то обстоятельство,

что премьеру приходилось подолгу излагать Государю свои мысли по данной проблеме на основании его опыта в Западном крае, и царь ни разу не высказал ему принципиального несогласия. Но вместе с тем «не было и заранее данного общего согласия, которого Столыпин и не спрашивал у Государя, хорошо понимая, что по такому щекотливому вопросу нельзя и требовать, чтобы Государь высказался заранее, не ознакомившись с представлением Совета министров» [12]. В воспоминаниях А.Ф. Кони содержатся сведения противоположного характера. Он, в частности, также отмечает, хорошую осведомлённость Столыпина с мнением царя по еврейскому вопросу. Но указывает на то, что позиция Николая II заключалась в полной решимости ни в чём не поступаться правами и выгодами русского народа в пользу евреев, причём особенно нежелательно было расширение допуска евреев в учебные заведения [9, 372-373].

Учитывая всё выше изложенное, можно предположить, что выработанный Советом министров и предложенный в итоге на рассмотрение царя законопроект «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев», стал, таким образом, неким компромиссом. Он даровал лишь частичные льготы евреям (но предполагалось, что уже это позволит несколько усмирить революционность в его среде, получить одобрение значительной части общественности) и давал возможность Государственной Думе отложить разрешение еврейского вопроса в полном объёме на долгий срок (что по достоинству должно было быть оценено некоторыми придворными кругами и определёнными политическими силами).

Политика П.А. Столыпина в еврейском вопросе после созыва II Думы стала ещё более сдержанной в отношении уступок евреям. Двойственностью отличался циркуляр МВД от 22 мая 1907 г. С одной стороны, он предписывал администрации прекратить выселения тех евреев, которые незаконно поселились вне черты оседлости до 1 августа 1906 г. и тех, которые поселились вне черты оседлости на законном основании, но утратили по каким-либо причинам это право, а также прекратить выселения имеющих семью и «домообзаводство». С другой стороны, этот циркуляр дополняли существенные оговорки, по которым еврей мог оставаться в запрещённой ему местности лишь в том случае, если он «не вреден для общественного порядка и не вызывает неудовольствия» населения [13, 26]. Столыпинский циркуляр, издававшийся с целью избежать нарушений нормальной жизни, разгрузить или, во всяком случае, прекратить поток еврейских дел, дал, таким образом, обратный результат: администрация, в стремлении отличиться по еврейскому вопросу, готова была каждого еврея считать неблагонадёжным и нежелательным. А для низших

чинов администрации циркуляр вообще являлся «спасительной индульгенцией». Если до его издания «низшие чины администрации, получая взятки за то, чтобы смотреть сквозь пальцы на евреев с сомнительными правами, рисковали ответственностью за незаконное проживание еврея, то после циркуляра взятки взымались уже на законном основании: ясно, что «вредными» оказывались те, которые не давали взятку» [14, 163-165].

В целом, П. А. Столыпин, безусловно, не был «юдофобом», но с другой стороны, представление его истинным защитником прав евреев также лишено оснований. Реформа еврейского законодательства, как следует из изложенного выше, интересовала премьера не столько сама по себе, сколько в отношении того влияния, которое она окажет на развитие страны, а преимущественно насколько она будет принята определённой частью общественности и тем самым сможет содействовать подъёму ореола власти. Это, например, было так необходимо правительству в период перед созывом II Государственной Думы. После её созыва ситуация изменилась и П.А. Столыпин стал склоняться к традиционной для самодержавия политике притеснения еврейского населения, обвиняя его в различных политических и социально-экономических злодеяниях. Особенно это стало заметно после третьей ионийского переворота, который по праву можно считать переломным моментом в политике премьера по еврейскому вопросу. После него, как отмечал С.Ю. Витте: «Правительство Столыпина объявило войну русскому еврейству» [15, 468]. Теперь премьер всё больше склонялся к позиции правых сил. Впрочем, отношение представителей консервативной общественно-политической мысли в целом к еврейскому вопросу, как и их оценки проводимой в данном вопросе политики Столыпина могут служить темой отдельного исследования.

Литература

- 1 Убийство П.А. Столыпина. Свидетельства и документы / Составитель А. Серебренников. - Нью-Йорк: Телекс, 1986; Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. - М.: Прогресс-Академия, 1995; Миндлин А.Б. «Еврейская политика» Столыпина. - М., 1996; Черкасов П.П. П.А. Столыпин и еврейский вопрос в России // Правда Столыпина: Альманах II / Сост. Г.П. Сидоровнин. - Саратов: Культурный центр им. П.А. Столыпина; Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2002.
- 2 Первая дума о евреях. Речи депутатов. (Извлечённые из стенографических отчётов). - С - Петербург, 1908.
- 3 Клячко - Львов Л.М. Повести прошлого: Временники конституции: Два премьера. Еврейское счастье. - 2-е изд. - Л., 1930. - С. 129. Курлов П.Г. Гибель императорской России. - М.: Современник, 1992. - С. 63-78; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг. - М.: Наука, 1992. - Книга

вторая. - С.206.

- 4 Степанов С.А. Указ соч. - С. 118-119; Черкасов П.П. Указ соч. - С. 140-144.
- 5 Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. - М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- 6 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). - Ф. 102. Департамент полиции министерства внутренних дел. Особый отдел. 18 февраля 1883 г. - 10 марта 1917 г. - Оп. 265. - Д. 88.
- 7 Там же. - Оп. 265. - Д. 91.
- 8 Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. - М., 1918.
- 9 Кони А.Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собрание сочинений. В 8 т. - М., 1966. - Т. 2. - С. 367.
- 10 ГА РФ. - Ф. 102. - Оп. 265. - Д. 91.
- 11 Курлов П.Г. Указ соч. - С. 112.
- 12 Коковцов В. Н. Указ соч. - С. 208-209.
- 13 Найхин Б.Л. Сборник законов о евреях. - М., 1911.
- 14 Клячко - Львов Л.М. Указ соч.
- 15 Витте С.Ю. Воспоминания. - Таллин - М., 1994. - Т.3.

О. Безугла (м. Чернізіє)

ПОЧАТКОВИЙ ПЕРІОД РОБОТИ КНЯЗЯ Г.Є.ЛЬВОВА НА ЧОЛІ ВЗС

Наукова література, присвячена проблемам внутрішнього розвитку Російської імперії у роки першої світової війни, як раніше, так і сьогодні не досліджує зсередини практичну роботу громадських організацій, що з'явилися на початку подій. Увагу дослідників, звичайно, і зараз привертає феномен таких організацій, як Всеросійський земський союз (далі - ВЗС), Всеросійський союз міст та Центральный военнопольно-промисловий комітет [1]. Проте обумовлений цей інтерес, головним чином, вивченням процесу перетворення останніх протягом війни на потужний фактор російського суспільного життя і, як наслідок, включення їх лідерів у боротьбу за владу. Чимало істориків зверталися також до вивчення результатів роботи організацій у допомозі фронту та політичних обставин, у яких вони діяли [2]. Тим часом безліч аспектів роботи об'єднань внутрішнього характеру досі залишаються поза увагою.

Щодо діяльності кн. Г.Є.Львова (1861 - 1925) як голови ВЗС, дослідники і поготів обходили і обходять її увагою, зупиняючись, як правило, на розгляді його політичної діяльності [3]. Вивчення ролі Г.Є.Львова у діяльності ВЗС, його особистого внеску в роботу організації, взаємин з органами влади та іншими громадськими об'єднаннями гуманітарного спрямування, втім, як і оцінка роботи